

По ту сторону занавеса

На сцене Большого театра Союза ССР

Торжественно гаснут огни в грандиозном кристальном зале. За дрижарским пультом пожимает человек во фраке, стремительный, как птица, и точно крыльями перья взмахивает губками, красными руками. В шестидесятилетний зал, переполненный публикой, льются звуки увертюры.

Медленно изливается занавес, и мы погружаемся в волшебную гущу детских времен, и патриархальную усадьбу Даринских. И вот уже заливается бубенный барский тройник, и в доме сматывают занавески, извешивая занавесом Онегина и Ленского, двух блестящих молодых, потому что в доме на выданье Ольга и Татьяна.

Вас снова захватывает и пленяет очаровательная музыка Чайковского, гущю которого мэр объявлял советским воплощением «Вянгения Онегина», романа, про который Великий сказал, что он есть «само задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии».

Вы сидите в удобном кресле роскошного театра и наслаждаетесь артистическим искусством. На сцене легко и непринужденно полет, изящно танцуют. Для вас приготовлено немало эффектов, характерных для оперного или балетного спектакля. Для вас неведом закулисный мир этого мирового театра. Дайте же руку, читатели, и мы совершим о вам путешествие по ту сторону занавеса Большого театра.

Пока вы готовились к поездке в театр, пока они разламывали вечерние платья, а другие брались и занимали гастролки, рабочие огромной сцены, где можно разогнать футбольный матч, были уже на своих местах. Они одновременно устанавливали декорации, вешали картины, поднимали занавесы, а также одна другой благодаря огромному диску, вращающемуся в пол сцены.

Помогает человек с седыми волосами — инспектор сцены. Он следит за порядком и в нужную минуту оказывается именно там, где это необходимо.

Приводится в движение сложная система электросветовых, управляемая инженерами и опытными осветителями. С помощью прожекторов и светов опей можно создать любые световые эффекты: затат солнца, вспыхну зарю, сумерки, известное сочетание опей придает декорации окраску подводного царства.

Постепенно сходятся артисты оркестра, и тогда в густом еще, окуданном освещением партере, раздаются звуки разнообразных скрипок, контрабасов, флейт, фисгарм, валторн.

На опей поставлена маленькая армия театральных костюмеров и парикмахеров. В каждом спектакле заняты сотни людей: артисты хора, артисты балета, мимический ансамбль, солдаты. Удивительно ли, что постановочная часть Большого театра является многообразным хозяйством, располагающим решительно всем, что может потребоваться для постановки оперы и балета режиссер.

Стоит подняться на шестой этаж и

вы увидите в гардеробную. Ее многочисленная команда побирают тысячами костюмов, повисших на вешалках. Здесь вам могут предложить облатение, в котором Шапкин являлся на оперно-классовой русской опере партию Бориса Годунова, костюмы, в которых шел знаменитый Сойлов, балетные спектакли прославленный в свое время премьерный московского балета Екатерина Голдберг. Здесь собраны костюмы всех эпох и времен. Они сделаны с исторической точностью во вкусах театральных художников ведущими портными из мастерских Большого театра. Здесь можно увидеть всевозможную обувь: старинные восточные кисеи и парчовые сапоги с задранными вверх носками, латинские туфли со старомодными прищипками, итальянские ботфорты, платья, плащи, алябарты, плащи, шляпы, шляпки, колтуны, старинные манти, шпалеты, хоругвы. Все это выложено в мастерских театра, особо для каждой постановки, во время уже о предположенных декорациях, также изготовляющихся в цехах постановочной части театра.

Можно было бы рассказать много интересного о так называемой «эвоннице» Большого театра, где человек, проводящий три четверти своей жизни на сцене, управляет несметным количеством больших и малых колоколов, сбрасываемых с незапамятных времен в «эвоннице». Человек этот умер, но искусство обращения с колоколами он передал своей дочери на своем лет, после того, как перестал появляться в «эвоннице» во время представления «Псковитинка», «Бориса Годунова», «Князя Игоря».

Вечером, однако, на сцену, где поминки режиссеры прикинут глазами и щелчком в занавесе. Уже заливается ярким огнем в правой и левой кулисах, вложь рамы, вперед, уже сходясь на сцену девушки-красавицы. Они сейчас предстоит артисткам в поминочной усадьбе, а затем вместе со своими партнерами будут изображать провинциальных гостей на вечере у Даринских. В конце оперы они, разодетые по последнему слову столичной моды пушкинских времен, превратятся в петербургскую опей на великоопейском бау.

В то время, как на сцене вспыхивают освещение первой картины, а в оркестре страивают инструменталь, зарекамакхр размещивает Лемешеву париж. Но вот наступает последние минуты тьмы и падает свет. Перед вами Ленский, в руках у него шайковые перчатки, выгнана шляпа. В артистической уборной по соседству слышится баритональный голос Норцова—Онегина. Поминки режиссера пригласил Онегина и Ленского на сцену. У исполнителей главных ролей вещи можно увидеть по руками часы. Спектакль в театре высокой культуры рассчитан на минут. Каждый человек должен с абсолютной точностью занять положенное ему место на сцене. Надо заблаговременно присутствовать по многочисленным лабораториям, пройти закулисный лабиринт и быть на

выходе по звуку поминки режиссера.

— Мы работаем по хронометру, иначе в Большом театре нельзя, — сказала как-то во время спектакля Мария Петровна Максимова испущену эти заметки.

Даже зритель знает, каким упорным трудом даются артистам оперы и балета чистота, неколебимая, к которой мы так привыкли в театре и которую мы так ценим в артистах. Вот и сейчас, в вечернюю пору, в часы спектакля, в больших залах за кулисами по утрам проводятся уроки и репетиции. Вы здесь увидите не новичков, а зрелых мастеров, профессиональных актеров, во всех их творческая жизнь проходит в учение, в совершенствование своих знаний, в совершенствование мастера. Держась одной рукой за очертывающую планку, другую руку вложь длинной стены, берут урок артисты балета. Сейчас они продолжают трудную физическую работу под аккомпанемент рояля, под присмотром беспощадного в своей требовательности педагога.

В других залах идут уроки и репетиция вокалистов. Здесь можно услышать даже из хорошо знакомых опер и несколько разнообразное искусство, но столь необходимая для успеха сцени. И здесь, как и в балете, та же требовательность к исполнителю и требовательность артистов к самим себе, потому что поправки и недолжки не терпимы в искусстве, спешившие законы которого суровы и требуют от актера неутомимой работы над совершенствованием своего дарования.

Артисты, свободные в той или другой опее, приходят в специальную комнату, где можно отдохнуть, скоротать дог, если им не надлежит передаваться. Помыты отдыхает для всех — для артистов оперы, балета, оркестра, рабочих сцены, для солдатов. Вы сидите сейчас в зрительном зале и едва ли предполагаете, что величественный князь Гренип увлечен партией в шахматы и старается во что бы то ни стало дать «мат», скажем, секундantly Онегина, про которого наш герой сказал, что «Хоть человек он невзрачный, но уж конечно, малый честный», а Татьяна, быть может, читает в «Литературной газете» интересную статью.

В последний раз мы сегодня вернемся на сцену Большого театра, где устанавливают роскошные декорации для величественного петербургского бала, где много времени опей вновь встретится Татьяна с Онегиным. По ту сторону занавеса возникает монументальные колонны, хрустальные люстры, в глубину уходит амфилада парадных коммат. Торжественно сияет опей. Вновь звучит великолепный оркестр. Мысльюлет раззолоченные мушкетеры столичных офицеров, генералов, дипломатов, шляпные шарды петербургских дворян. Начнется блестящий бал с провальными колесами Чайковского.

А. ГРИГОРЬЕВ.

Москва.